

«Иронические» пересказы Священного Писания в славянском фольклоре (стратегии текстопорождения и структура нарратива)

Проблема пародийности (наличия игровых, смеховых элементов) в фольклорных обрядовых и повествовательных текстах уже не раз становилась предметом внимания исследователей¹. В данной работе мы обратимся к анализу фольклорных легенд на ветхозаветные сюжеты, составляющих отдельный пласт среди народных пересказов Священного Писания благодаря своему, условно говоря, «ироническому» (пародийному, юмористическому) характеру, включению в тексты элементов балагурства, смеховому снижению как самого сюжета в целом, так и отдельных образов и мотивов. Выбрав для рассмотрения подобные пересказы библейских сюжетов, принадлежащие к разным временным пластам (от первой трети XIX до начала XXI в.), мы поставили задачу выяснить истоки смеховой стилистики в этих текстах и понять, чем она была обусловлена. Следует признать, что на данном этапе исследования вопросов остается больше, чем ответов, и эта тема, безусловно, заслуживает дальнейшей разработки.

Первую группу составляют тексты, демонстрирующие, на наш взгляд, устойчивую и органичную для крестьянской среды тенденцию включения юмористических элементов в пересказы «серьезных» библейских сюжетов (отметим, что тексты данного типа записаны в разной конфессиональной среде: православной, старообрядческой, у молокан). Расчет при этом явно делается на аудиторию, способную оценить мастерство рассказчика-балагура, не ставящего своей целью осмеять Священное Писание или поглумиться над библейскими образами, но желающего красочно живописать событие и развлечь своих слушателей.

Наиболее ранний образец подобных нарративов находим в воспоминаниях Гавриила Никитича Потанина (1823–1910), писателя, бывшего крепостного (описываемые события относятся к 1830–1840-м гг.).

Больше всего любил Федосей рассказы из изящной истории... «У Адама в раю было двое

деточек: Каин и Авель. А мне больно жаль милого Авеля: ни за что ни про что уколошил его разбойник Каин, мы бы до сих пор жили не тужили. В старину люди жили не по-нашему, долго жили, по тысяче лет закатывали! Вон великий Ной, хоша попилвал, а прожил лет двести. Ной был умный человек. Не слыхали, какой он сотворил корабль? Такой большой, что Бог согнал в него всех животных со всех сторон света, и чистых, и нечистых, по семи пар, и свиней, и других всяких зверей. А когда поплыл этот Ноев корабль, так разверотил целую гору Арарат надвое, однако насквозь не прошел, так тут и завяз и остановился!»²

Подобные тексты фиксировались и в конце XIX в., являя собой «смешные» пересказы сюжетов о Сотворении мира (дуалистический сюжет с участием двух соперничающих друг с другом творцов), о создании первых людей, о Всемирном потопе и др.

Ото-ж тоди була скризь вода, а над нею перше небо, на котрим жив Бог и два його прислужники: Мишка та Гришка, от як по манастирах, може доводилось вам бачити послушныкив, чи служок, то при такому дили и ци стояли. А на самому неби, там, де тепер живе Божа Мати, жив Сатанаил и все Господови перечив. Що не схоче Господь зробити, то вин, лукавый цей Сатанаил, визме та и помишае, не даст таки, проклятый, зробити. Ото и задумав Господь Бог, як бы то йому стребити Сатанаила, та не так то конче стребити, як видняти ризу його, у котри, мовляв, уся сила сатанаилова седила.

От одного разу Сатанаил роздягся, положив ризу свою на камени и став плавати в море, бо дуже любив, проклятуций, купатись, а Господь сидеть на своему неби та дивиться. От и заспорив Господь Бог з Сатанаилом: не достанеш, Господь каже, дна морского, а Сатанаил каже: ба достану. От Сатанаил почав пробувати та поринати, а Господь прикликав Мишку, та й звелив йому, шоб злетив на море, та як пирне Сатанаил, то шоб почав дмухати на море. Такечке и зробили. Сатанаил пирнув у перве, а Мишка почав дмухати на воду — море так и знялось корою, замерзло. Сатанаил выпирнув, та головою и пробив люд. От Господь и каже: «А, ну, поринай, каже, у друге!» Бо умова у их, бачите, була до тріох раз шоб поринати. Пирнув Сатанаил у друге, а Мишка дмуха, аж прысив, на воду: хочеться таки и йому выслужитись перед Господом. Море знов людом взялося, ще товщим. Господь каже: «А, ну, каже, пирнай у третє!» Сатанаил пирнув, а

Мишка мало не трисне, так дме на море, и Господь теж йому став помогати, почав и соби дмухати, що силы, на море. Море таким товстым ліодом взялось, шо Сатанаил, як выпирнув, то и не змиг уже пробити головою ліоду, а Гришка тим часом ухопив його ризу, та и став утикати з нею на небо. Сатанаил же, побачивши, шо з ним не жартують, мерщій почав прохувать ліод — прохукав дирку тай погнався за Гришкою и уже став догонять його, бо у Гришки було двое крыл, а у Сатанаила цилых шестеро. Коли тут де не взявся Мишка, та мечем и одчухрав Сатанаилови крыла. От Сатанаил упав в море, а рызу його Мишка з Гришкою принесли до Бога. И у ци сами рызи писля Исус-Христос на хрести мучився, а з Мишки та Гришки Господь зробив архангелив Михаила и Гавриіла³.

[Бог сотворил Адама.] Но жены первоначально Бог не творил, люди как-то размножались сами без женщины, а жену Бог сотворил уже в наказание человеку. [Мужчины жили хорошо и богато, но стали называться перед Богом. Бог призвал к себе Хамку — здорового и работающего мужика — и сказал ему, что решил «напустить» на людей бабу.] «Ты знаешь Адамку, лядашенького мужиченка? <...> Ну вот так у этого Адамки ты мне три ребра и вышиби» <...> [Приготовленные ребра утащила собака. Хамка схватил собаку за хвост, оторвал его и принес Богу. Женщины созданы из собачьего хвоста, потому они и хвастливы!]⁴

[Люди грешили, предавались пьянству.] Один [остался] праведный Еной Иваныч, борода лопатой до пояса. [В наказание грешникам] Бог надумал устроить «всемирную утопию» [и велел Еною Иванычу строить ковчег и взять] каждой твари по три хари, а хороших побольше. [Сверху ковчег накрывают рогожей, для света прорубают окошко.] Еной Иваныч сидит у окна в комнате и трубочку покуривает. [Во время плавания] ковчег зацепил днищем за гору Чих-Трах-Тарарах да там и застрял⁵.

Традиция не прервалась и в последующие века — образцы колоритных «иронических» нарративов фиксируются по сей день.

Жили два брата: Бог да Сотона. Жили оне в одной избе, а наголо ссорились. Вот и здумали оне мир творить. Што Бог сотворит, Сотона тому назло што-небудь худое сотворит. Бог скот сотворил разной, а Сотона сотворил паутов, да комаров, да мух разных, штобы скот кусали, да волков, да мидвидей, штобы скот поедали. Бог птиц сотворил, штобы этех паутов, да мух, да цервей поедали, а Сотона сотворил змей да сыщей, штобы тех птиц поедали. Вот так всё друг другу назло и творили.

Надошла очередь. Бог сотворил цёловека. Сотворил да сам спать лег, а цёловекам наказал, штобы из избы не выходили. Сотворёно-то, видно, много было сразу. Вот спит Бог, храпит, только гром гремит.

А с Сотоной-то у ёво ошшо до цёловека роздильнёсь было. Тот всё напкась делат, дак Бог ёво из ызбы-то выгонил. Тот в погребе жил.

Вот Сотона подкралса, отворил двери в ызбу да и баёт:

— Охти мне, люденьки, бежите-ко на улицу-то. Коль здись баско да хорошо: птички поют, цветочки цветут.

Ну, как подурняя-то дак и побежали. А Сотона стал за ободверинку с топором. Как мимо ёво коей цёловец побежит, он ёво тюкнёт да тюкнёт промеж ног. Издыроватил цёловицков и баёт:

— Будьте вы бабами, делайте всё назло мужикам.

Встал Бог, поханькал, поханькал, да делать нечево. Прилепил он остальным людям по шишке да и говорит:

— Затыкайте бабам дыры, плодите новых людей⁶.

Изгнание из рая Адама и Евы.

Вот когда бог создал небо и землю и оделил воду от земли, одним словом сделал все окуратно и сам сел на большущий камень, посмотрел бог во фсе стороны и говорит теперь как будто потходяще. Потом еще подумал, нет не фсе, если я так это оставлю, то вить будет постоянно в одном положении, нужно мне теперь зделать человека, и он скряду встал с камня и пошел искать огнеупорной глины, если зделать из простой то, он будет некрепкий, а богу страсть хотелось зделать крепкого мужика, чтобы одним словом он ни боялся ни холоду и ни голоду, долго бог ходил и наконец нашол эту глину и слепил человека большого, здорового и говорит вот ты верзила, я тебе даю имя Адам хорошо ваш благородие, говорит Адам и бог и думает, а как же вит ему одному будет скучно нужно ему зделать и жену и бог долго думал со щего ему жену сотворить так он и настояще недодумался и вот бог кричит ангел Гаврила вдрук тот идет и говорит, что изволите ваш благородие. А вот что я не знаю со щего бы ему вот жену зделать, а давай зделаем из ребра, а как же мы снимем. Ну вот как и ангел Гаврил ударил Адама в левый бок и вдрук выскочило ребро, потому и теперь у мушины в одном боку 8 ребер, а в другом 9 лебер [так!], потому что одно снято для жены и вот бог взял ребро в руки и стал его вертеть и осматривать с которого конца зделать ноги, а с которого голову, вертел, вертел и вдрук как то неожиданно ребро из рук бога упало и вдрук откуда то взялась собака схватила ребро и побежала, что есть духу, бог побежал вслед собаки, бежал, бежал никак не может догнать и поймать собаку. Наконец ему удалось поймать собаку за хвост. В это время собака сильно испугалась и так рванулась вперед что оторвала себе хвост и вот бог держит хвост в руках и думает, теперь собаку все равно не догонишь а сделаю я из собачьего хвоста, оттого женщина такая и вертлива, потому что она сделана из собачьего хвоста ну только вышла красивая и назвал ее Ева. Теперь говорит бог нужно им место жительства отвести, посоветовался с Гаврилой и повел их в сад, вот здесь вы будете жить. Хорошо говорят люди вот это может кушать, ну пожалуй и это тоже еште, а вот этого не троньте, показывая на большие как теперь и призывают онтоновские яблоки. Это мне еще самому пригодяца для варенья.

Бог ушел и новые люди остались жить в раю. Как оне назвали свой сад после долгих хождоф и фсега етого, то Адам приустал и говорит своей подруги, я лягу малость приусну, а ты покарауль и посмотри сад. Ладно говорит Ева и Адам лек и заснул. Ева пошла гулять по саду ходила долго и вот видит, что лежит пот тем деревом плод упавший на землю, она подняла и стала пробовать кушать ей очень пондравил-ся, она сорвала еще два яблока, поела и пошла к Адаму тот еще фсе спал она стала его будить, будет спать встань посмотри, что я тебе принесла. Адам фстал посмотрел покушал и говорит — ох какой вкусный, где ты взяла там пойдем там очень много и вот оне пошли когда приходят, то Адам и говорит. Послушай Ева вить он нам не велел отсюда трогать. Ну полно почему, он узнает посмотри сколько их тут много, что он читал что ли и вот они нарвали и стали ис и до того ели, что у них разболелися животы и оне пригадили весь сад, между тем как бог привел людей и ушел от них домой, то позвал Гаврилу и говорит кому бы заказать сапоги. Гаврила и говорит есть у меня сапожник и он тебе сварганит такие что дайдай и вот богу принес сапожник новые сапоги бог одел и говорит, но теперь нужно сходить и посмотреть, что там делают новые жители и вот одел новые сапоги и пошел в сад. Ходил ходил по аллеям нигде не может найти людей, как посмотрит на сапоги оне фсе замараны. Ой что это Гаврила, что ваше благородие, да посмотри ка. О это никуда не годица это оне, наделали и стали оне в местях искать. 3 большими трудностями наконец отыскали за большим корнем. Ну выходите пакости говорит бог, Гаврила гони ка их отсе-лева прочь, ни умеют жить где едят тут и пакостят и вот Гаврила взял большую хворостину и выгнал их из рая⁷.

Ну пошёл вон [Ной] домой да говóрить: «Доча, куда ты собираешься?» — «Пойду в театр». — «Как у театр?! Не. Собирайся, пойдём. У так, у так». — «Ну, когда будет дощь, тогда я прибегу». Он уговаривал, уговаривал, так она и не захотела. «Чё, — говорит, — нам! То посты, то ещё шо-нибудь. Люди живут, ничего не знают, а у нас всё...» Знаешь, как дети. Уже сын в городе живёт. Пошёл сыну сказал. А он: «Пап, хватить тебе антимонии нам проводить. Токо знаешь это нам говорить! Будить дощь, мы тогда придём». [Ной собрал, кого мог. Начался дождь.] Бегить дочь его. Вот так вот кричить. Прибёгла. Пошли открывать, а уже не откроется. Потопилась дочка, потопились сыновья. И вон остался сам⁸.

Отличительной особенностью приведенных текстов является насыщение нарратива бытовыми деталями (Бог и Сатана живут в одной избе; устав от творения, Господь храпит во сне; Сатана не свергается с неба, а изгоняется из избы в подпол; Бог, выходя из дома, надевает сапоги, припасает в райском саду антоновские яблоки для варенья; дочь Ноя предпочитает пойти в театр, а не запи-раться в ковчеге, а сын просит Ноя не «про-

водить антимонии»). Аналогичный прием — через введение бытовых деталей — исследователи отмечали и для достижения комического эффекта в былинне⁹. «Сниженные» (или, можно сказать, очеловеченные) характеристики получают герои повествования, что и придает нарративу особую живость: «при-служник» Бога Мишка чуть не лопаётся от усердия, пытаясь дуновением заморозить море, «проклятуший» Сатанаил — любитель морских купаний, Адам — «лядашенький мужиченка», «телок»¹⁰, «Еной Иваныч, борода лопатой» покуривает трубочку.

Довольно многочисленные тексты демонстрируют явно устойчивую традицию такого рода устной трансляции священного текста, что заставляет задуматься о корнях подобных нарративов. Один из возможных источников можно увидеть в нарождающейся восточно-славянской беллетристике XVII в. В частности, наше внимание привлекло анонимное сочинение «Казанне руське»¹¹, представляющее собой пародию на проповедь и излагающее сюжет о Сотворении мира, свержении «Люципера», создании Адама и Евы, а также выражающее озабоченность по поводу опасностей, которым «руськая віра» подвергается со стороны татар, турок, жидов и ляхов, «подгрызающих» столпы православия.

...Наперод сотворив [Господь] небо і землю. На небі сотворив ангели сребрніі, золотіі, мальованіі, з очима соколовими. Под небесі сотворив птаки — ворони, сороки, круки, кавки, вороб'ї і тетери. На землі сотворив свині, корови, воли, медведі і вовчиська. Так же сотворив лисиці, горностаї, коти, миші і іншіі преутішніі звірята. І побудував їм господь рай, плотом мощним огородив і полаттю його подперл. Там же насіяв дубини, грабини, ліщини, ольшини. В огородах насіяв свокли, ріпи, редьки, мрхви, пастернаку і іншого хвасту і дерева <...> [Однажды архангел Михайло «упився, як світач», а его побратим «Люципер» поднял бунт. Михайло бросается к оружию.] ...До ножа, до чечуги, до мачуги, до меча, до бича, до самопалу, щоби бити Люципера непопалу. Скоро ся до такого оружжя порвав — зараз неборак пан Люципер од страху аж перднув¹².

А в это время остававшийся без присмотра божий огород был разорен — «свині морков викопали, вороб'ї просо виклювали, зайці щепи поламали». Пришлось сотворить сторожа — Адама и подругу ему — Еву. Но эта «сука незбожная» нарушила запрет и сорвала яблоко, «з'їла і Адамові огризок дала». За это Бог взял бич «як у нашого пастуха» и выгнал обоих из рая¹³.

Данное произведение является, по всей вероятности, образцом «альтернативного» творчества представителей духовенства (монашества, певчих, бурсаков, семинаристов) и может быть поставлено в один ряд с пародиями на духовные стихи и богослужебные тексты. Все эти сочинения не носят антиклерикального или богоборческого характера, их создание и исполнение было обусловлено традицией, это своеобразная форма проявления народной праздничной культуры¹⁴.

Типологически сходная ситуация прослеживается и в некоторых пародийных текстах русской литературы переходного периода, каковым является XVII в., в которых церковнославянская лексика и библейская образность выступают средствами создания комического эффекта (например, «Сказание о крестьянском сыне» — с картиной смехотворной церковной службы, «Сказание о куре и лисице» — с пародией на исповедь, «Повесть о бражнике» — с колоритным препирательством у райских врат и т.п.)¹⁵.

Сравнивая наши тексты с упомянутым кругом памятников, нельзя отрицать их стилистическое сходство, но все же пародийными наши фольклорные нарративы признать можно лишь отчасти. На наш взгляд — в случае устных пересказов Священного Писания, которые мы условно определяем как «иронические», — на первый план выходит не сознательная пародия, а способ трансляции «высокого» текста средствами народного языка и народной образности.

Вторую группу составляют тексты, которые можно назвать агитационными, в них элемент иронии и сатиры непосредственно связан с идеологическим контекстом, цель таких произведений — явно «разоблачительная», некоторые из них являют собой продукт заказного антирелигиозного творчества. Смеховой эффект таких нарративов — «замедленного действия»: они кажутся смешными сейчас, но в период своего создания они воспринимались как совершенно серьезное атеистическое творчество.

По идеологическим установкам этот пласт «фольклора» соотносим с агитационными частушками раннего советского времени, например:

Бога старого убили,
Молодого ранили,
Пресвятую Богородицу
В тюрьму отправили¹⁶.

Ярким образцом «намеренно иронической» трактовки сюжетов Священного Писания является легенда «Откуда произошел Сатана и для чего. Сочинил Н. Одинцов 21го мая 1939 год»¹⁷. Рабочий Онежского завода (Петрозаводск) излагает дуалистический сюжет (архангел Гавриил, телохранитель Бога, перестает повиноваться, Бог велит его арестовать и заковать в цепи, сбросить с неба в место, которое отныне будет называться адом, а архангел — Сатаной; поэтому на Пасху и на Благовещение нельзя точить ножи и пилить железо — кто это делает, «освобождает Сатону от цепей»); далее повествование переводится в идеологическую плоскость — это капиталисты заковали рабочих в цепи, а освободили их Ленин и Сталин; при этом вожди в виде двух ясных соколов с высокой горы притягивают небо к земле и говорят «Старому богу»:

Ты глаза немороч людям некакого утебя архангела Гавриила небыло а стражы и подавна небывала, так что ты арестоват да еще заковат вцепи архангела Гавриил немог, да и кузнеца утебя не было, производства утебя небывало, некакого. <...> ...Мы сейчас спустим неба, но незнаем кука [так!] ты полетиш, и больше немешай нам работат, мы будем продолжат учение Маркса вырывает цепи в которые закован первый вмире богатыр рабочии и крестьянин. и вот настал 1917–1918 годы окончательно отпали цепи от иго капитала подрукководством партии Ленина Сталина¹⁸.

Узнав, что «земной бог» (т.е. царь) свергнут с престола, «Старый бог» решает навредить Ленину и Сталину, призывает в помощники «старика Илью пророка», которого «когда-то утащил земли с горы синайской пьяного на небо, дал ему пару лошадей [и?] чухонскую таратайку».

Да илия мы с тобой осталис на небе двое, а у меня ес для тебя работа, я задумал делат на земле вредительство, а старик ты наето дело ловкый. <...> ...Ты должен поступит машинистом на железную дорогу, и вредит делат отцепи вагонов, поровозы спускат под откос. [Спустившись на землю, Илья находит на мельнице Николай-угодника, который отговаривает его от вредительства, но Илья не слушает, «попадает в доверие» на «жел-дороге», делает пакости, его разоблачают, но из уважения к его старости отсылают «откуда пришел». Бог выслушивает отчет Ильи и резюмирует:] нам стобой пора и умирает. А всетаки илия перед смертию я покаюс тебе, до чего силни ете дава [так!] человека на земле Ленин, Сталин, я обманывал людей тысячи лет, и мною торговали попы помещики капиталисти и всякой масти вредители, а ете два человека Ленин Сталин разбили всех шпионов вредителей да и

нам стобой попала отних здорово, а терер [так!] Сталинин [так!] до бивает остатки вредителей и шпионов. а всетаки Ильюша хорошо стало жыт на земле, мы обманывали людей, говорили рай на небе а рай оказался у большевиков на земле, Давай скорее умерат, да снами бы вместех сдох бы и капитал [далее текст обрывается]¹⁹.

Так повествование приходит к заданному концу — саморазоблачению развенчанного сакрального персонажа перед партией. Такой поворот сюжета абсолютно невозможен был бы в легендах первого типа, дающих адекватный пересказ библейских событий даже при наличии юмористического и пародийного компонента.

Рассмотрев два типа народных «иронических» пересказов Священного Писания, можно констатировать, что, по всей видимости, они представляют собой две ветви одной традиции. Первый тип сосуществует в локальных традициях с «серьезными» и «правильными» устными пересказами сюжетов Священного Писания. При этом сохраняется адекватность в передаче сюжета, а смеховой эффект достигается за счет введения бытовых деталей и перевода всего текста в специфический речевой регистр (текст транслируется не просто на местном диалекте, но являет собой подчеркнута просторечно-балагурную конструкцию). В текстах второго типа, созданных «на заказ», происходит домысливание сюжета против библейского и даже апокрифического оригинала, разговорный стиль служит для дискредитации персонажей (так, в легенде «Откуда произошел Сатана...» Бог и Илья изъясняются просторечно, а Ленин и Сталин говорят высоким стилем). Но несмотря на явную идеологическую корректировку текстов второго типа, очевидно, что даже такие образцы фольклорной прозы продолжают сохранять архетипические мотивы (закованный сатана, запрет на работу в праздники) и ориентируются на определенный стиль рассказывания (ритмизованная проза, введение бытовых деталей), сохраняя отчасти ту самую «некощунственную иронию», присущую текстам первого типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Пропт В.Я.* Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 135–140; *Путилов Б.Н.* Пародирование как тип эпической трансформации // От мифа к литературе. Сборник в честь 75-летия Елезара Моисеевича Мелетинского / Сост.

С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. М., 1993. С. 101–116; *Ромодановская Е.К.* Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 165–180; *Христофорова О.Б.* Функция смеха в ритуале: Смех как знак // Смех: истоки и функции / Под ред. А.Г. Козинцева. СПб., 2002. С. 75–82; *Белова О.В.* Смех // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 74–75; и др.

² *Макеев А.Ф.* Из воспоминаний Г.Н. Потанина // Живая старина. 2001. № 3. С. 36.

³ *Олтаржевский Ю.* Из народных верований // Киевская старина. 1887. Т. 18. № 5. С. 195–197 (записано в Киеве от старика-крестьянина). Отметим, что повышение статуса персонажей (из прислужников в архангелы) связывается не с прибавлением к имени сакральной частицы *-ил*, как это представлено в апокрифах и фольклорных легендах (*Миха — Михаил*, см.: Народная Библия: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004. С. 56), а с заменой деминутива полной формой имени (*Мишка — Михаил*, *Гришка — Гавриил*).

⁴ Народная Библия. С. 228 (Краснослободский уезд Пензенской губ., записано в 1899 г.). Ср. сходное с предыдущим текстом фамильное наименование героев: *Хамка, Адамка*.

⁵ Народная Библия. С. 264 (Краснослободский уезд Пензенской губ., записано в 1899 г.).

⁶ Устьянские сказки, бывальщины и легенды (К 120-летию краеведа М.И. Романова) / Предисл. и публ. В.И. Щипина // Живая старина. 2007. № 1. С. 45–46 (Архангельская губ., записано в 1926–1929 гг.).

⁷ Архив ИЯЛИ Карельского научного центра РАН, ф. 1, оп. 1, колл. 61, ед. хр. 298, л. 137–139 (записано в 1936 г.; имеются данные об исполнителе: «Иван Акимович Вепрев, род. в 1882 г. в Петрозаводске, после 1905 г. работал на Онежском заводе, в 1918 г. уехал в Пудож, исполнял должность кухаря мукомола от гупроткома до 1920 г.»). Текст публикуется с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

⁸ Легенды липован Краснодарского края / Публ. А.И. Зудина // Живая старина. 2007. № 4. С. 48.

⁹ См.: *Путилов Б.Н.* Пародирование как тип эпической трансформации. С. 102–106.

¹⁰ «...Сотворили Адама Бог и Христос. Отец и Сын, в Святом духе они сотворили Адама, посадили его в рай. Он ходить, как тялок, жусть там от листа» (*Никитина С.* Сотворение мира и концепт исхода/похода в культуре молокан-прыгунов // От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре / Отв. ред. В.Я. Петрухин. М., 1998. С. 220).

¹¹ *Аноним.* Казанне руське // Українська література XVII ст.: Синкретична писемність,

поезія, драматургія, белетристика. Київ, 1987. С. 143–145.

¹² Там же. С. 143.

¹³ Там же. С. 144–145.

¹⁴ Подробнее см.: *Ковтик В.А.* Пародии на духовные стихи и богослужебные тексты, их создатели и исполнители // *Человек смеющийся / Сост. А.С. Каргин, А.В. Костина, Н.А. Хренов. М., 2008. С. 200–210.*

¹⁵ Подробнее см.: *Панченко А.М.* Русская смеховая культура XVII века. Л., 1973; *Черная Л.А.* Игровые элементы пародийных текстов в русской культуре XVII века // *Человек смеющийся. С. 182–199.*

¹⁶ Записано в 1996 г. в д. Огибалово Вологодского р-на Вологодской обл. (Этнолингвистическая картотека Топонимической экспедиции Уральского гос. ун-та, Екатеринбург).

¹⁷ Архив ИЯЛИ Карельского научного центра РАН, ф. 1, оп. 1, колл. 63, ед. хр. 125, самозапись. Текст записан в отдельной тетрадке в 8° (исписано 17 л., далее текст обрывается). Здесь и далее при цитировании сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

¹⁸ Там же, л. 6–8.

¹⁹ Там же, л. 11–17.